

РОБЕРТ МИХЕЛЬС
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ
ДЕМОКРАТИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ
ОЛИГАРХИЧЕСКИХ
ТЕНДЕНЦИЙ
В СОВМЕСТНОЙ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роберт Михельс

**Социология политической
партии в условиях современной
демократии. Исследование
олигархических тенденций в
совместной жизнедеятельности**

«РАНХиГС»

1911

УДК 316
ББК 6/8.60.55

Михельс Р.

Социология политической партии в условиях современной демократии. Исследование олигархических тенденций в совместной жизнедеятельности / Р. Михельс — «РАНХиГС», 1911

ISBN 978-5-85006-351-1

В работе «Социология политической партии» классика политической социологии Роберта Михельса (1876-1936), впервые опубликованной в 1911 году, был сформулирован «железный закон олигархии», основанный на анализе властной структуры таких организаций, как политические партии и профсоюзы. Главная идея Михельса состоит в том, что все организации, даже наиболее эгалитарные и приверженные демократии, какими, как предполагается, должны быть социалистические партии, на самом деле являются олигархическими и подчиняются небольшой руководящей группе. В книге также предлагается первый систематический анализ того, как радикальная политическая партия утрачивает свои радикальные цели, принимая участие в выборах. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316
ББК 6/8.60.55

ISBN 978-5-85006-351-1

© Михельс Р., 1911
© РАНХиГС, 1911

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Часть I	19
А. Технически-административные причины возникновения	19
Глава 1	19
Глава 2	20
Глава 3	28
Б. Психологические причины возникновения	30
Глава 1	30
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Роберт Михельс
Социология политической партии в
условиях современной демократии:
исследование олигархических тенденций
в совместной жизнедеятельности

*Посвящается дорогому другу Максу Веберу
Смельчаку, посвятившему себя интересам науки, не оробевшему
перед вивисекцией*

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Robert Michels
Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie

Untersuchungen fiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens

LEIPZIG 1911
VERLAG VON DR. WERNER KLINKHARDT

Перевод с немецкого Ирины Ивакиной под научной редакцией Дмитрия Карасева

В оформлении обложки использован плакат Франтишека Купки «Владыка мира – капитал, золотой кумир» (1919)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022

Предисловие

*Никому во вред,
Науке во благо*

ЕСТЬ люди, чьи сердца начинают биться чаще, стоит им только услышать однозначное мнение, особенно по поводу того, что касается политики и философии. Оставим их в покое. С ними нечего считаться: учащенное сердцебиение исключает любую работу мысли. Не для таких людей, изначально неспособных к научной деятельности, предназначены изложенные здесь основы учения о внутреннем устройстве политической партии, созревшие в процессе долгих наблюдений и исследований¹.

Самые серьезные проблемы социальной жизни – возникшие, как представляется, не за последние 150 лет – за последние полтора века стали более актуальными, приобрели более точную формулировку и новое значение. Тысячи ученых мужей и восторженных филантропов из всех сил старались разрешить эти вопросы и посвящали им свою жизнь. Предпринимались невероятные попытки, опиравшиеся на громкие имена, найти на них ответы. Для решения этнического и лингвистического вопросов, уже грозивших Европе войной, а большинству отдельных государств – революцией, был открыт так называемый принцип национальности. В сфере народного хозяйства социальная проблема, которая угрожала порядку в мире больше любой другой, не обошла стороной ни одну страну, ни один город и остро вставала, даже когда утихали национальные споры. В этой сфере родился лозунг о праве рабочих на продукт собственного труда. Для урегулирования общественной жизни и решения внутренних проблем государственной организации был разработан принцип народного суверенитета. Самоуправление – краеугольный камень демократии, в то же время включающий необходимость решения национального вопроса, ибо принцип национальности может быть осуществлен только на основе народного суверенитета. Однако рассудок, подкрепленный достаточно богатым жизненным опытом, приходит к заключению, что ни одно из этих решений в действительности не может быть настолько эффективным, как казалось его изобретателям в порыве энтузиазма. Бесспорно важный принцип национальности сводится к географическим и стратегическим вопросам, проблемам проведения естественных границ, а зачастую к необходимости создания стратегических границ. Кроме того, он не может помочь в случае отсутствия наций или в случаях, когда множество национальностей сосуществуют в путанице и неразберихе. Многочисленные направления социализма расходятся друг с другом по экономическим вопросам. Формулу права рабочих на продукт собственного труда гораздо легче вывести синтетически, чем аналитически.

¹ Несколько замечаний об условиях, в которых создавалась эта работа. В мае 1908 года я прочитал несколько докладов о демократии и социализме в Новом университете в Брюсселе. Они опубликованы в: Robert Michels, "L'oligarchia organica costituzionale. Nuovi studi sulla classe politica", *La Riforma sociale. Rassegna di Scienze Sociali e Politiche*, a. XIV, vol. XVIII, fasc. 12, dicembre 1907, p. 961–983; расширенное издание на немецком языке см. в: Robert Michels, "Die oligarchischen Tendenzen der Gesellschaft. Ein Beitrag zum Problem der Demokratie," *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Bd. 27, H. 1, s. 73–135. В январе 1909 года в социологических обществах Граца и Вены я прочитал доклад на тему «Консервативные основы партийной организации», который позже был опубликован на немецком языке в: Robert Michels, "Der konservative Grundzug der Parteiorganisation," *Monatsschrift für Soziologie*, 1. Jg., April-Mai, Sonderdruck, s. 228–236, 301–316 и на итальянском языке в: Robert Michels, "La democrazia e la legge ferrea dell'oligarchia," *Rassegna Contemporanea*, vol. III, No. 5, p. 250–283. В моих лекциях в Туринском университете, посвященных роли сотрудничества в истории, я также занимался исследованием политических партий. В октябре 1909 годов в Турине в Палате труда я прочитал лекцию «Старые формы и новые идеи социализма», которая затем была опубликована под другим названием в: Robert Michels, "La crisi psicologica del socialismo," *Rivista italiana di sociologica*, vol. XIV/III–IV, p. 365–376. Мне кажется важным перечислить работы, ставшие основой для этого исследования, с одной стороны, из литературной порядочности, так как в этой работе есть фрагменты упомянутых статей, а с другой – потому, что в них заинтересованный читатель может найти некоторые уточнения, которые нам не удалось учесть здесь.

Сейчас наша задача состоит в том, чтобы подойти к решению проблемы демократии критически. Представляется, что демократия как движение или идея сегодня находится в кризисе, из которого ей не удастся выбраться. Она натывается на препятствия и преграды не только снаружи, но и внутри и не способна уверенно их преодолеть.

Я ставлю перед собой исключительно научную задачу. Я попытался, избавившись от всех предрассудков, не поддаваться никаким внешним влияниям, кроме непосредственных фактов социальной жизни. Хотя я и потратил лучшие годы своей жизни на изучение демократии, я без малейшего колебания положу на это свою жизнь. При этом я с превеликим удовольствием отказываюсь от попыток представить взамен «новую систему». Задача науки не в том, чтобы создавать системы, а в том, чтобы передавать знания, не в том, чтобы находить решения или открывать их заново – многие проблемы как индивидуальной, так и общественной жизни вообще не имеют окончательных решений, в некотором смысле они навсегда остаются открытыми. Задача науки скорее в том, чтобы излагать данные о тенденциях и контртенденциях, аргументах и контраргументах, о pro и contra, изображать паутину структур социальной жизни с максимально возможной беспристрастностью. Естественное условие для любого прогноза – точный диагноз.

Распутать и педантично каталогизировать совокупность тенденций, встающих на пути у демократии, весьма и весьма трудно. И все же такая попытка представляется нам возможной. Эти тенденции обусловлены человеческой природой, условиями политической борьбы и организационными условиями. Демократия ведет к олигархии и даже заключает в себе истоки олигархии. Выдвигая этот тезис, мы вовсе не хотим указывать на пороки политических партий или правительств, например на лицемерие, мы не хотим никого упрекать. Закон, согласно которому всем человеческим сообществам имманентно свойственно стремление объединяться в коалиции и прото-классовые группы, находится по ту сторону добра и зла, как и все социологические законы.

Пока изучение демократии опирается на сочетание основных идей и направлений социальной жизни, определяющих возникновение демократической системы, дальнейшие исследования, уже предпринятые рядом ученых, не способны привнести в эту сферу ничего нового. Однако влияние демократии на политические партии до сих пор оставалось заповедной территорией.

В «Учебнике по методологии истории» Эрнст Бернгейм выделяет лишь два направления историографии, которые имеют целью качественное углубление своего материала: во-первых, культурную историю в узком смысле слова, понимаемую как историю развития форм социальной жизни и труда, основу которых, по существу, составляет частная деятельность людей; во-вторых, политическую культурную историю как историю развития государства и государственной жизни. В этой классификации культурной истории, однако, есть пробел, который необходимо заполнить. В социальной, политической и культурной истории последних столетий в одном ряду с исконными понятиями «индивид» и «государство» появляется еще один элемент, оформившийся совсем недавно. Сегодня индивид уже не ведет бесконечную изолированную борьбу с организованной властью, как это было прежде. На арене политической, социальной и культурной борьбы появляется новый, третий элемент, рожденный из индивидуальных интересов и чувств, но при этом схожий с государством по своей структуре и целям. Можно назвать его «индивидуализированным государством» или «государством в государстве». Этот третий элемент, представляющий новую систему координат в новейшей истории, – политическая партия.

Анализ и изучение политических партий – новое научное направление на стыке между социальными, социально-психологическими и историческими дисциплинами может быть отнесено к прикладной социологии, которая, однако, не самодостаточна, поскольку требует теоретического обоснования. С развитием современных партий большое значение (как коли-

чественно, так и качественно) получило и более примитивное направление современной науки – историография. Почти у каждой европейской партии есть собственная партийная история, написанная лучше или хуже. Второе направление, возникшее позднее, – исследование особенностей партии, напротив, находится в весьма плачевном состоянии. Данная книга претендует на то, чтобы сделать шаг именно в этом направлении.

В основе данного исследования лежит совершенно новый путь в анализе механизмов управления в политических партиях. Этот путь не из легких. Ввиду внушительного объема собранного материала казалось, что выполнить поставленную задачу невозможно. Поэтому мне пришлось отказаться от использования материала во всей его полноте. Я ограничил себя, оставив нетронутой значительную часть собранных материалов, и использовал лишь те фрагменты, которые показались мне наиболее важными. Будь у меня время и возможности, я дополнил бы каждый тезис множеством исторических примеров там, где счел бы это необходимым. Кроме того, мои черновики как нельзя лучше показывают, какой невероятный объем материала о сущности политических партий еще только ожидает подробного изучения. Однако помимо избыточности основной проблемой работы была невероятная запутанность и сложность взаимосвязей проблем, с которыми мне пришлось столкнуться. Я постарался сохранить все этологическое многообразие рассмотренных мною феноменов партийной жизни. Я также не исключаю возможности оптических обманов. Но эта возможность заложена в самой природе социологической науки: она вынуждена изучать явления настоящего или приближенные к настоящему и потому лишена возможности рассматривать их беспристрастно, соблюдая дистанцию, которая позволила бы очертить контур и придать силуэту завершенность. Поэтому я буду прислушиваться к любой объективной критике, к каждому хорошему совету и в случае необходимости внесу исправления в последующие переиздания.

В заключение я хочу искренне поблагодарить свою милую жену Гизелу Михельс-Линднер за неоценимую помощь в этой непростой работе, отягощенной моей болезнью и прочими неприятностями, помощь, которую она героически оказывала мне, несмотря на ее домашние и научные заботы.

Введение

Глава 1

Демократическая аристократия и аристократическая демократия

Самая жесткая форма олигархии – абсолютистская монархия – основывается на воле одного человека. *Sic volo, sic jubeo. Tel est mon bon plaisir*. Один отдает приказы, все остальные подчиняются. Воля одного способна побороть волю целой нации, до наших дней этот пережиток сохранился в праве конституционных монархов накладывать вето. Правовая основа этой системы позаимствована из трансцендентальной метафизики. Логическое объяснение любой монархии лежит в апелляции к Богу. Бога спускают на землю и в роли государственно-правовой опоры заставляют служить опорой монархии – в этом явлена Божья благодать. Поэтому, словно опираясь на потусторонний элемент, монархическая система, если мы рассмотрим ее с государственно-правовой точки зрения, неприкасаема для прав человека и его воли, навечно и непреложно. Легитимное, юридически обоснованное, законное упразднение монархии, таким образом, невозможно, это сказка, которой пугают на ночь наивных политиканов. С правовой точки зрения королевская власть упраздняется, но лишь по воле Божьей, которая, однако, непостижима.

В теории принципу монархии противопоставлен принцип демократии. Он отрицает превосходство права одного над правами других. Он уравнивает всех перед лицом закона, *in abstracto* предоставляет каждому возможность подняться на самые верхние ступени социальной лестницы и законодательно упраздняет привилегии, данные по праву рождения. Исход борьбы за общественные преимущества зависит исключительно от индивидуальных особенностей. В условиях монархии все решают способности одного человека, а потому лучшие из монархий не способны предоставить своим народам никакой гарантии продолжительного благополучия или практически полезного управления². В условиях демократии народ берет на себя ответственность за существующие условия, которыми он самостоятельно управляет.

В настоящее время известно, что в жизни народов эти основные теоретические принципы государственной организации настолько эластичны, что во многом пересекаются: «... демократия может охватить весь народ либо охватить не более половины его. Аристократия, в свою очередь, может охватить от половины народа до неопределенно малого числа граждан»³. То есть обе формы правления не противопоставлены друг другу полностью, но пересекаются приблизительно наполовину.

Наш век раз и навсегда покончил со всеми устаревшими и закоснелыми формами аристократии. По крайней мере, в основных формах политической жизни. Даже консерватизм в

² В конце XVIII века эти понятия осознавались и артикулировались значительно точнее, чем сегодня, когда конституционная монархия уничтожила суть этих принципов: «Рабский страх, который покоится на ослепительном блеске недостижимого трона, тысячах приспешников, несметной армии, готовности к мести и непобедимой власти, – единственное, почему продолжают существовать монархии, почему деспоты и их сатрапы все еще чувствуют себя в безопасности. Иногда к несчастным самой судьбой ниспослан освободитель, великий Кир, который мог бы разорвать все узы и с мудростью и отеческой заботой возглавить новое царство. Однако подобное случается весьма редко, а благо, возникающее в такие условиях, всегда преходяще, ведь главный источник порока остается. Его подлые и развратные последователи разрушат все, что было создано благородным правителем» (Christoph Martin Wieland, “Eine Lustreise ins Elysium,” *Samtliche Werke von Christoph Martin Wieland*. Bd.I. Wien: F.A. Schrambl, 1803, s. 209).

³ Jean-Jaques Rousseau, *Le Contrat Social*. Paris: Biblioteque Nationale, 1871, p. 91; Жан-Жак Руссо, “Об общественном договоре”, в: Жан-Жак Руссо, *Трактаты*. Москва: Наука, 1969, с. 199.

этих условиях прикидывается демократичным. Под натиском демократических масс он уже давно отказался от своей примитивной формы. Ему нравится менять маски. Сегодня он предстает перед нами абсолютистским, завтра – конституционным, послезавтра – парламентским. В тех случаях, когда он господствует свободно, как в Германии, он ссылается на Божью волю. Если же он чувствует себя неуверенно, как в Италии, то к воле Бога добавляется воля народа. В своих внешних проявлениях он способен на величайшие превращения. В монархистской Франции король Франции и Наварры превратился в короля Франции, а король Франции – в короля французов.

Поэтому теоретически в партийной жизни – как в государственной, так и в общественной – еще сильнее проявляется тяга к демократии. Зачастую она основывается на принципе большинства и всегда – на принципе массовости. Подобным образом и аристократические партии безвозвратно утратили чистоту своих аристократических принципов. Они чувствуют себя обязанными, хотя бы на некоторых этапах политической жизни, демонстрировать свою приверженность демократии или хотя бы прикинуться демократическими, даже если по сути они останутся антидемократичными. В то время как принцип демократии воплощается в соответствии с изменяющейся волей народа и большинства, следуя теории *itavta psi* (изменчивости) Гераклита, принципы консерватизма выстраивают устойчивые системы норм и правил, которые эмпирически воспринимаются как непреложно хорошие (или непреложно дурные) и потому претендуют на постоянное место в неизменной системе ценностей. Тем не менее принцип статичности не стоит воспринимать как исключительно консервативный. Консерватизм самоуничтожился бы, если бы заключался лишь в одобрении уже существующего, например существующих правовых форм⁴. В условиях, когда молодые, демократически настроенные политические силы приходят на смену консерваторам и лишают их прямой власти, прежние правители превращаются во врагов существующего государства, а иногда и в революционеров⁵. Поэтому консервативно настроенные политические партии, в которых инстинктивно и искренне почитают аристократическую избранность, превращаются из клик в народные партии. Убежденность в том, что только массы могут помочь восстановить старую аристократию в ее первоначальной чистоте и уничтожить демократический режим, превращает сторонников консерватизма в демократов; они глубоко уважают страдания народа и ищут, как в свое время это делали роялисты в республиканской Франции, подход даже к революционно настроенному пролетариату. Они обещают рабочим избавить их от гнета демократического капитала и помочь расширить влияние профсоюзов в обмен на помощь в возвращении королевской власти, величайшего плода принципов аристократии, на трон сверженной республики⁶.

⁴ О сути консерватизма см. интересное исследование: Oskar Stillich, *Die politischen Parteien in Deutschland*. Leipzig: Klinkhardt, 1909, p. 18.

⁵ Или контрреволюционеров? Со словом «революция» зачастую связан конкретный исторический смысл, а родоначальницей всегда считается Великая французская революция. Поэтому термин «революционный» зачастую применяется только к борьбе низших социальных слоев за свою свободу, хотя логически это лишь фундаментальное определение переворота, который, в свою очередь, не ограничивается действиями одного конкретного социального класса и не связан с определенной внешней формой применяемого насилия. Революционным может быть любой социальный класс, вооруженный или действующий в рамках закона, – все это не имеет значения, если он стремится к радикальному изменению существующего порядка. Понятия «революционный» и «реакционный» (в противовес консервативному), рассмотренные с этой точки зрения, объединяют революцию и контрреволюцию. Поэтому совершенно ненаучно связывать с этими терминами, позаимствованными из теории эволюции, понятия морали, как об этом в 1830 году в Париже пишет Раумер: «Для этих людей (либералов) революционный – значит уничтоживший все старые порядки и пороки, контрреволюционный – вернувший на свое место старые или другие пороки и издевательства. Для их противников же революция – высшее проявление безрассудства и преступности, а контрреволюция – возвращение к порядку, подчинению, религии и т. д.» (Friedrich von Raumer, *Briefe aus Paris und Frankreich im Jahre 1830*. Teil II. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1831, s. 26; см. также: Wilhelm Roscher, *Politik, Geschichtliche Naturlehre der Monarchie, Aristokratie und Demokratie*. Stuttgart-Berlin: Cotta, 1908, p. 14). Но стоит помнить о том, что в политике оценочное суждение о чем-либо – это всегда эффективное средство достижения определенных политических и моральных целей, и оно отнюдь не помогает определить мировоззренческие тенденции или тенденции исторического развития.

⁶ Ср.: агитационная брошюра роялистов, написанная Жоржем Валуа: Georges Valois, *La Revolution Sociale ou le Roi*. Paris,

«Король и бедняки короля» уничтожат олигархию жирных буржуа. Демократия должна быть уничтожена демократическим решением народа. Демократический путь – единственный путь к новой власти, доступный свергнутой аристократии. Консерваторы редко обращаются со своими лозунгами к рабочим до тех пор, пока их окончательно не оттеснят от власти. В странах с демократическим режимом, например в Англии, они обращаются к рабочему классу лишь в том случае, если пролетариат составляет большую часть народных масс⁷. Но и в тех государствах, в которых установлено непарламентское управление, но принято общее и одинаковое для всех избирательное право, аристократические партии обязаны своей политической жизнью только милости масс, права и политический потенциал которых они отвергают в теории⁸. На выборах политический инстинкт самосохранения вынуждает прежние правительственные группы спускаться со своих высот и обращаться к тем же демократическим и демагогическим методам, которыми пользуется и самый юный, самый многочисленный и самый некультурный слой нашего общества – пролетариат. Аристократия сохраняет свою политическую власть не на пути парламентаризма. Чтобы удержать бразды политической власти над государством (по крайней мере, в большинстве монархий), ей не нужно парламентское большинство. Но чтобы внушать уважение, ей необходимо быть представленной в парламенте, хотя бы в декоративных целях, чтобы добиться общественного расположения. Однако аристократия добивается этого не путем декларации своих основных внутренних принципов или обращения к себе подобным. Аристократическая партия или партия крупных землевладельцев, обратись она к тем, кто разделяет ее экономические интересы или обладает таким же состоянием, не смогла бы заполучить ни одного избирательного округа, не провела бы в парламент ни одного депутата. Кандидат-консерватор, который предстал бы перед избирателями и рассказал бы им, что он не считает их способными участвовать в политической жизни и определять судьбу страны и потому после его избрания они будут лишены избирательного права, по-человечески поступил бы ужасно честно, но с точки зрения политики – ужасно глупо. Чтобы осуществить свой *acte de presence* в парламенте, ему, таким образом, остается лишь одно: выйти на предвыборную арену и изображать демократические жесты, обращаться к крестьянам и сельскохозяйственным рабочим как к сотоварищам и внушить им уверенность, что их экономические и социальные интересы пересекаются. Аристократ, таким образом, считает себя обязанным баллотироваться в парламент, руководствуясь теми принципами, в которые он не верит и которые внутренне презирает. Все в нем требует власти, сохранения ограниченного или, точнее, упразднения всеобщего избирательного права, которое угрожает его личной свободе. Однако, осознав, что в разразившуюся эпоху демократии он окажется отрезанным от политической жизни и никогда не сможет создать собственную политическую партию, он резко меняет соб-

1907. Aux Bureaux de L'Action Française, p. 14. Валуа настойчиво превращает французский синдикализм, сильнейшее течение, приверженцами которого в то время стали огромные массы людей, в королевский двор. Его консерватизму совсем не мешает то, что его возможный король взойдет на трон только в результате революции. Не по Божьей милости, но по милости социалистов-революционеров. Какое превращение благодаря воле демоса!

⁷ Судя по ожесточенной предвыборной борьбе в январе 1910 года, можно сказать, что обе партии – и консервативная, и либеральная – в тех средствах, которые они выбрали для борьбы друг с другом, работали ради социал-демократических идей и победы пролетариата. Одна защищала демократические идеи и обещала перспективные социальные реформы, другая показывала рабочим все тяготы их существования в капиталистическом обществе; обе обещали больше, чем были способны выполнить, и обе во всех формах своей предвыборной агитации признавали, что рабочий класс становится решающей силой. Все, что можно было прочесть в социалистических газетах того времени, соответствовало действительности: консерваторы Англии проповедуют рабочим не довольство, а недовольство. В то время как прусские консерваторы имеют привычку рассказывать рабочим о том, что нигде в мире они не будут чувствовать себя так хорошо, как в Германии, английские консерваторы уверяют, что нигде в мире рабочие не чувствуют себя так плохо, как в Англии.

⁸ Распознать и применить это в Консервативной партии удалось Хаммерштайну и Штёкерсу. Хаммерштайн был первым, кто осознал необходимость завоевать «доверие масс» для того, чтобы сохранить партию (ср.: Hans Leuss, *Wilhelm Freiherr von Hammerstein. 1881–1895 Chefredakteur Kreuzzeitung*. Berlin: Walther, 1905, s. 109. На партийном съезде в Берлине (Тиволи) в 1892 году многие поддержали заявление депутата из Хемнитца о том, что консерваторам стоит быть «демагогичнее».

ственные убеждения и начинает по-волчьему выть, мечтая получить волчьему [по его мнению] большинство голосов⁹.

Влияние всеобщих выборов на поведение консервативных кандидатов так велико, что во время дебатов двух кандидатов, разделяющих одни и те же взгляды в одном избирательном округе, каждый старается обозначить свое (необходимое в этих обстоятельствах) отличие от соперника, все время отклоняясь влево, то есть особенно акцентируя внимание на псевдомократических положениях¹⁰.

Подобные случаи доказывают, что даже консерватор пытается приспособиться к основному закону современной политики, заменившему собой религиозную аксиому о том, что «многие призваны, но немногие избраны», равно как и психологический тезис, согласно которому лишь избранное меньшинство может достичь идеала. Курциус сформулировал это в одной фразе: «В элитных частях нет необходимости. Необходимо завладеть массами и править с помощью масс¹¹. Консервативному духу прошлых правителей, как бы глубоко он ни был укоренен, приходится – разумеется, только для выборов – рядиться в свободные одежды демократии.

Теория либерализма тоже выстраивает свои планы, ориентируясь не только на интересы масс. Она опирается на вполне конкретные массы, которые уже захватили власть в других областях, но еще не добились политических привилегий, а именно на социальные слои собственников и интеллектуалов. Массы сами по себе необходимы либералам исключительно как средство достижения их далеко идущих целей. Первый великий либеральный историограф Германии – Роттек упрекнул французскую королевскую власть в том, что она во время революции вынуждала буржуазию обращаться к народным массам. Он разделяет демократию на господство представителей и господство массы¹². Во время июньской революции 1830 года Раумер, находясь в Париже, открыто сетовал на то, что массы обладают властью и невероятно трудно отобрать ее у них, не обидев и не разбудив новый мятеж¹³. Одновременно в выражениях, достойных романтического дифирамба, он превозносил систему отношений его родной Пруссии, где король и народ «по большей части витают в священных сферах», а довольные граждане не задаются вопросами о своих правах¹⁴. Из истории возникновения северогерманского рейхстага нам известно, что другой предводитель либералов и сторонник либеральных взглядов – историк Генрих фон Зибель высказывался против всеобщего, прямого и равного для всех избирательного права, подкрепленного лишь странным представлением либералов о массах, приведенном выше, согласно которому избирательное право «для парламентаризма любого рода может означать лишь начало конца». По его словам, избирательное право – это право на господство, и он вынужден срочно предостеречь и попросить немецкую королевскую власть

⁹ По этому поводу Науманн пишет: «Мы понимаем, что консерваторы плохо переносят всеобщее избирательное право. Это портит их нрав, ведь накануне предвыборного собрания нельзя так запросто защищать принцип «авторитет вместо большинства». Лишь в сословных организациях, например в прусской или саксонской верхней палате, они могут вести себя так, как им хочется. Поэтому сегодняшний консерватор – человек-компромисс, властолюбец в перчатках демократии... «Агитирующий аристократ! Это уже большой успех для всего демократического движения» (Friedrich Naumann, *Demokratie und Kaisertum. Ein Handbuch für innere Politik*. Berlin-Schöneberg: Buchverlag der Hiife, 1904, s. 92). См. также: Ludwig Gumplowicz, *Sozialphilosophie im Umriss*. Innsbruck: Wagner, 1910, p. 113.

¹⁰ Это актуально и для Франции. См.: Aime Berthod, *Libres Entretien*, 6e serie, IV. Paris le 23 janv. 1910, p. 212.

¹¹ Friedrich Curtius, «Über Gerechtigkeit und Politik», *Deutsche Rundschau*, 1897, Bd. XXXIII, H. 4, s. 46.

¹² «Эта страшная оппозиция – не только во Франции, но и среди всех благородных народов этой части света – дерзко и кощунственно преградила путь возвышенной идее гражданской и политической свободы; она придала всей революции, которая могла бы оказаться весьма благотворной, коварный, разрушительный, пагубный характер. Именно она вынудила представителей народа прибегнуть к помощи масс, чтобы избежать угрожающей им гибели, и поэтому именно она повлила на высвобождение грубой, не знающей законов силы черни и тем самым открыла ящик Пандоры» (Carl von Rotteck, *Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten*, Bd. IX. Freiburg: Herdersche Buchhandl, 1826, s. 83).

¹³ Friedrich von Raumer, *Briefe aus Paris*, Bd. 1, s. 176.

¹⁴ *Ibid.*, p. 264.

с большой осторожностью прививать столь внушительные элементы демократической диктатуры в новом федеративном государстве¹⁵. Если вспомнить, как формировалось отношение либерализма к принципам и устройству аристократии, его внутреннее отвращение к массам становится понятным: с тех пор как возникло всеобщее избирательное право, а вместе с ним и перспективы возникновения нового, несколько коммунистически настроенного большинства избирателей или нижней палаты, многие, по мнению Рошера, научились по-новому воспринимать действующую власть короны и верхней палаты, чтобы не допустить принятия любого решения нижней палаты. Разумным также было бы не предпринимать никаких попыток по расширению существующего избирательного права без «точных статистических данных», то есть без тщательнейшего изучения соотношения сил между отдельными классами населения¹⁶. Недавно в одной из либеральных групп, ближе других находящейся к социал-демократам Германии – в кругах национально-социальной ассоциации, – зародилось осознание тенденции (о которой никто и не думал сожалеть), что переменчивая и непредсказуемая воля народа, находящая отныне выход в рейхстаге, не способна в одиночку повлиять на дела государства, за ней присматривают представители аристократии, не зависящие от народа, но ограничивающие его волю, наблюдающие за ней и обладающие правом вето, независимые от народа¹⁷.

Немецкие ученые от Роттека до Науманна на протяжении целого века в поте лица старались теоретически объединить естественные противоречия демократии и милитаристской монархии. Проникнутые искренним стремлением к этой высокой цели, они пытались «расфедерализовать» монархию, то есть заменить аристократических покровителей трона на академических. Их главной задачей (вероятно, даже и неосознанно) было теоретическое обоснование этой если не так называемой социальной, то хотя бы народной монархии. Очевидно, что такая цель имела под собой политические мотивы, у которых не было ничего общего с наукой, но они не обязательно противоречили друг другу (здесь решающую роль играет методология), поскольку находились за пределами науки. Тенденция к установлению Июльской монархии – вовсе не повод упрекать ученых. Она относится к сфере политики. Напротив, что точно заслуживает осуждения с исторической точки зрения, так это отождествление возникшего за последние десять лет в Прусской Германии монархического принципа с идеей народной (социальной) монархии. В этом отношении многие немецкие либерально настроенные теоретики и историки путают мечту с реальностью. В этой путанице кроется и главная ошибка немецкого либерализма, который с 1866 года только и делает, что меняет позиции, то есть пытается скрыть свою одностороннюю борьбу с социализмом и в то же время отказ от политической эмансипации немецкого бюргерства за ложными представлениями о том, что с объединением Германии и основанием королевства Гогенцоллернов все или почти все юношеские мечты либерализма воплотятся в жизнь. Основной принцип современной монархии (наследственной монархии) совершенно несовместим с принципами демократии, даже если понимать их очень широко. Цезаризм еще можно считать демократией, во всяком случае, он может пре-

¹⁵ Ср.: Otto von Diest-Daber, *Geldmacht und Sozialismus*. Berlin: Puttkammer u. Muhlbrecht, 1875, s. 13.

¹⁶ Roscher, *Politik*, s. 321.

¹⁷ Мартин Раде в своей статье в защиту выборов Герлаха в Марбурге (Martin Rade, "Das Allgemeine Wahlrecht ein königliches Recht," *Hessische Landeszeitung*, 1907, Bd. XXIII, N. 25) пишет: «Да, если бы рейхстаг был в состоянии проводить свою политику! Если бы лишь ему была вверена судьба нашего народа! Но он лишь звено нашей государственной системы. Рядом с ним, над ним стоит федеральный совет, и никакой коротенькой фразе не стать законом, если рейхсканцлер, а до него кайзер и князь не выскажутся в ее поддержку. Федеральный совет не сможет долго оказывать сопротивление сильной и внятной воле народа, если она будет конституционно представлена в рейхстаге; однако он со своей стороны сможет отклонять предложения рейхстага, которые считает голословными и необдуманными, как он уже делал раньше. Таким образом, они заботятся о том, чтобы, несмотря на наше избирательное право, деревья не тянулись к небу. И это хорошо, что в нашем законодательстве представлены обе эти инстанции». Подобные взгляды красной нитью проходят сквозь всю историю формирования гражданского либерализма. Их можно воспринимать как его врожденные недостатки. Уже в коммунистическом манифесте молодой буржуазии, составленном Гизо, французская палата пэров именуется не иначе как «un privilege place la où il peut servir» (François Guizot, *Du Gouvernement de la France depuis la Restauration, et du Ministère actuel*. Paris: Libr. Française de Ladvocat, 1820, p. 14).

тендовать на это до тех пор, пока основывается на воле народа, легитимная монархия же – никогда.

Подводя итог, можно отметить, что в современной партийной жизни аристократия с удовольствием предстает в облики демократии, верно и то, что сущность демократии пронизана аристократическими элементами. Аристократия в форме демократии. Демократия с аристократическим содержанием.

Внешне демократическая форма политических партий с легкостью вводит в заблуждение поверхностных наблюдателей и отвлекает их от аристократических или, вернее, олигархических тенденций, поражающих любую партийную организацию. Именно наблюдение за демократическими партиями, и в первую очередь социал-революционными рабочими партиями, может наиболее очевидным образом доказать существование такой тенденции. В консервативных партиях, за исключением предвыборных периодов, с естественной откровенностью проявляется склонность к олигархии, которая полностью соответствует их принципиально олигархическому характеру. Однако сегодня субверсивные партии явно принимают те же формы. Наблюдение за ними куда ценнее, поскольку революционно настроенные партии объясняют свое возникновение и свои устремления через отрицание этих тенденций, они возникают из этого отрицания. Возникновение олигархизации в лоне революционных партий – весьма убедительное доказательство существования глубинных олигархических тенденций в любом человеческом сообществе.

Социал-революционные и демократические партии провозглашают своей главной целью свержение олигархии во всех ее формах. Возникает вопрос: как объяснить, что те же самые тенденции, против которых они ведут борьбу, развиваются и внутри этих партий? Поиск беспристрастного аналитического ответа на этот вопрос составляет одну из ключевых задач этой книги.

Идеальная демократия невозможна в современных условиях социально-экономической зависимости. Признаем это. Тогда встает вопрос, в какой степени внутри существующего сегодня общественного порядка, среди тех, кто планирует его уничтожить и создать на его месте новый, уже можно обнаружить зарождение той силы, что стремится к идеальной демократии.

Глава 2

Этическое приукрашивание социальной борьбы

Любой человек, всерьез занимающийся историей, знает, что господствующие социальные классы во все времена были озабочены тем, как передать достигнутую ими политическую власть по наследству. Наследование политической власти всегда было одним из самых эффективных способов сохранить классовое господство. Здесь прослеживается тот же исторический процесс, что утвердил буржуазные порядки в сфере сексуальной жизни: нерасторжимость брака, строгие наказания за измены и так называемый майорат. Насколько можно судить по немногочисленным древним источникам, в основе буржуазной семьи лежала тенденция, согласно которой мужчина, достигший определенного экономического благополучия, стремился передать свое накопленное или награбленное имущество своему законному, насколько это возможно было определить, сыну. Те же самые тенденции мы наблюдаем и в области политики, где они сохраняются благодаря внутренним, органически присущим человеку инстинктам и усиленно поддерживаются экономическим порядком, в основе которого лежит частная собственность на средства производства и в котором по очевидной психологической аналогии политическая власть также рассматривается как наследуемая частная собственность. Как известно, отцовский инстинкт передать в наследство сыну в том числе и свою политическую власть во все времена проявлялся особенно сильно. Он никак не способствовал упадку элективной или возникновению наследственной монархии. Желание сохранить достигнутое когда-то социальное положение своей семьи стало столь сильным, что, по справедливому замечанию Гаэтано Моски, в тех случаях, когда представители правящих классов не могут иметь сыновей, например прелаты Римско-католической церкви, спонтанно и стремительно возникает непотизм¹⁸, что оказывается проявлением неконтролируемого инстинкта самосохранения, инстинкта наследования, явленного в самой радикальной форме.

Аристократии также удалось утвердиться в государственной системе, из которой она, казалось бы, должна быть двояким образом – конституционно и принципиально – исключена. Североамериканские демократы, вынужденные жить под гнетом власти республиканцев, у которых не существует дворянских титулов, все еще далеки от того, чтобы вместе с английской короной избавиться и от аристократии. Аристократия миллиардеров, железнодорожных, нефтяных, мясных королей и т. д. – факт, не оставляющий сомнений.

На появление этого феномена влияют не только причины, возникшие недавно, например концентрация капитала в системе общественной власти или ее тенденция к коллективности, постепенное примирение старого духа республиканства с европейскими идеями, европейскими предрассудками и европейским честолюбием. Даже тогда, когда юная демократия и свобода Америки совсем недавно были окроплены кровью ее граждан, непросто было, согласно рассказу Алексиса де Токвиля, найти хотя бы одного американца, который в самых тщеславных выражениях не хвастался бы тем, что происходит из семьи первопроходцев¹⁹. Настолько живуч был в тех первых республиканцах «предрассудок аристократизма». И сегодня нью-йоркские семьи с голландскими корнями и голландскими фамилиями принадлежат к бесспорно аристократическому слою населения, это своего рода патриции без внешних патрицианских атрибутов. В Германии мы в течение последних 40 лет стали свидетелями невероятно стремительного процесса, в ходе которого молодую индустриальную буржуазию поглощает родовая

¹⁸ Gaetano Mosca, *Il Principo Aristocratico e il Democratico nel passato e nell'avvenire*. Discorso Inaugurale. Torino: Paravia, 1903, p. 22.

¹⁹ Alexis de Tocqueville, *De la Democratie enAmerique*. Paris: Gosselin, 1849. Partie II. Vol. II, p. 19.

аристократия²⁰. Немецкое бюргерство феодализируется. Эмансипация ротюров только укрепила позиции своего социального противника – аристократии, предоставив ей свежую кровь и экономические ресурсы. Нувориши не знают иного тщеславия, кроме как поскорее слиться со знатью, чтобы из этого сплава возникло их почти легитимное право на принадлежность к старым правящим классам, право, которое теперь может восприниматься не как приобретенное, а как унаследованное. Здесь мы видим, как принцип (пусть и фиктивного) наследования в значительной степени ускоряет процесс привыкания молодых, восходящих сил к порядкам старого мира.

Этика – лишь декорация в ожесточенной масштабной и в то же время почти незаметной борьбе между новым, восходящим социальным слоем и старым, который то по-настоящему, то притворно отступает. В эпоху демократии этика становится оружием, которым может воспользоваться кто угодно. В условиях старого порядка власть имущие и те, кто мечтал ими стать, говорили о своих правах, только о своих собственных правах. Демократия дипломатичнее, предусмотрительнее. Аргументы такого рода для нее не этичны. Сегодня все публичные политики говорят от имени народа и борются за общие интересы.

Правительство и революционеры, короли и партийные лидеры, тираны милостью Божьей и узурпаторы, одичавшие идеалисты и расчетливые честолюбцы, все они – народ и постоянно твердят, что их действия направлены на воплощение народной воли.

В современной классовой и народной жизни этика стала необходимым аксессуаром, выдумкой. Каждое правительство пытается подпереть свою фактическую власть каким-нибудь абстрактным этическим принципом. Любое общественное движение в своей чистейшей форме старается выставить напоказ собственное человеколюбие. Все вновь возникающие классовые партии в начале своей борьбы за власть перед лицом всего мира заявляют, что хотят освободить от гнета тиранов не столько себя, сколько все человечество, заменить старый и несправедливый режим новым и справедливым. Демократия всегда словоохотлива. Ее словарь – паутина метафор. Демагог – плод, неожиданно выросший на демократической почве, – постоянно переходит от сентиментальности и чувствительности к страданиям народа. «Жертвы заботятся о своих словах, палачи пьяны и слезливая философия»²¹, – саркастично замечает Доде. Каждый новый социальный слой, который призывает атаковать привилегии другого класса, уже находящегося у власти (как экономической, так и политической), всегда выступает под лозунгом: «Ради спасения всего человечества!» Когда молодая французская буржуазия решила на большую битву против аристократии и духовенства, она начала с торжественной Декларации прав человека и гражданина и ринулась в бой с лозунгом «Свобода. Равенство. Братство». Сегодня мы слышим ораторов совсем другого мощного классового движения – движения наемных рабочих, заявивших, что они ведут классовую борьбу вовсе не из классового эгоизма, а, напротив, как раз для того, чтобы вычеркнуть понятие о социальном классе из социальной жизни; современный социализм в припеве своего теоретического гимна все время повторяет гордые слова: создание бесклассового, гуманного, братского общества!

И все-таки торжествующая буржуазия Декларации прав человека и гражданина установила республику, а не демократию, слова «равенство», «свобода» и «братство» до сих пор можно увидеть на портках французских тюрем, а Парижская коммуна, которая представляет собой первый, пусть и недолговечный успешный пример рабочей социалистической формы государственного управления, несмотря на свои коммунистические принципы, во времена безденежья оберегала Банк Франции с заботой, достойной консорциума самых непримиримых капиталистов. Революции случались, демократии нет.

²⁰ Ср. превосходные доказательства, подтверждающие этот тезис: Werner Sombart, *Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert*. Berlin: Bondi, 1903, s. 545; Вернер Зомбарт, *Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX века*. Москва: Московский рабочий, 1924.

²¹ Leon A. Daudet, *Alphonse Daudet*. Paris: Bibliotheque Charpentier (E. Fasquelle), 1898, p. 142.

Политическая партия особенно любит отождествлять себя со всем мирозданием, ну или хотя бы с большинством сограждан, выступать от имени всего, вести борьбу ради всех, сражаться за все хорошее²². Лишь представители социалистических партий изредка провозглашают свои партии исключительно классовыми. Но и они сразу смягчают этот тезис, добавляя, что интересы их партии совпадают с интересами всего народа. В этом утверждении социалистическая партия приближается к действительности, так как в отличие от буржуазных партий, малочисленных по своей природе, она действительно представляет самый многочисленный слой населения²³. Приближается, но не отражает ее полностью. Когда представители социал-демократии в ходе выборов (из оппортунистских соображений) заявляют, что цель социализма – «раздать всем, но ни у кого не забирать», им можно возразить, что в условиях радикальных имущественных отношений сдержать подобное обещание невозможно; чтобы «раздать», необходимо «забрать», и если работяги хотят экономически потягаться с Ротшильдами, Вандербильтами или князьями Плесе, что было бы возможно только при национализации частного имущества последних, то, очевидно, в условиях социализма вышеназванные окажутся сильно ограниченными в доходах и власти. К той же оппортунистской тенденции можно отнести и теоретическое разделение населения на собственников средств производства и тех, кто от них зависит. Разделение, которое производит социал-демократия, бегло ссылаясь на основной принцип национальной экономики Маркса, согласно которому собственники оказываются капиталистами, а зависимые – социалистами, то есть *a priori* заинтересованными в победе социализма. В корне ложное убеждение, которое подменяет внешними отношениями сумму дохода – этот единственный или, по крайней мере, самый точный способ определить классовую принадлежность отдельного индивида. В результате понятие пролетариата становится настолько растяжимым, что служащие государственных и частных компаний вполне могут требовать места в рабочей партии; согласно этой теории, генеральные директора концерна «Крупп» или прусские премьер-министры, до тех пор пока они «классово сознательны», могут считаться невладельцами или зависимыми от средств производства и, соответственно, должны быть восторженными последователями социализма²⁴.

Антидемократически настроенные ученые называют взлет молодых независимых движений тихим самообманом, фата-моргана, возникшей из потребности поставить всеобщее благо на службу частному²⁵. В мире достоверных фактов каждое классовое движение, организованное во имя общего блага, рискует стать жертвой неразрешимого противоречия. Человечество не может обойтись без политических классов. Однако последние могут включать лишь часть общества.

²² Странники пессимистичных социологических взглядов, по большей части независимые, обращают особое внимание на это свойственное реформаторским или революционным движениям отчасти сознательное, отчасти неосознанное смешение классовых или партийных интересов и целей с интересами или целями общества. Ср.: Gaetano Mosca, *Elementi di Scienza Politica*. Torino: Bocca, 1896, p. 75; Ludwig Gumplowicz, *Sozialphilosophie im Umriß*, s. 23, 70, 71, 94, 123; Vilfredo Pareto, *Les Systemes Socialistes*. Vol. I. Paris: Giard et Briere, 1902, p. 59. Впрочем, это смешение свойственно не только демократии. Аристократия тоже не ограничивается интересами небольшой социальной группы, а обращается ко всему народу, не учитывая разницу в статусе или классовой принадлежности (о том, в какой степени речь может идти о немецких консерваторах, см.: Oskar Stillich, *Die Konservativen*, p. 3). В этом случае проще объяснить эту демократическую легенду их истинной сутью.

²³ Очень подробное и виртуозное изложение тесных отношений партий и масс можно найти в: Karl Kautsky, "Klasseninteresse. Sonderinteresse. Parteinterresse," *Neue Zeit*, XXI, Bd. 2, Nr. 34–35. Тех, кто заинтересован в сути отношений между научными дисциплинами, исследующими все человечество в целом и пролетариатом как общественным классом, я отсылаю к работам, упомянутым в моем введении к переводу труда Ничефоро: Robert Michels, "Das Proletariat in der Wissenschaft und die ökonomisch-anthropologische Synthese," in Alfredo Niceforo, *Anthropologie der nichtbesitzenden Klassen. Studien und Untersuchungen*. Leipzig: Maas und van Suchtelen, 1910.

²⁴ Об отношениях между социализмом и индустриальными чиновниками я подробно рассказывал на Втором итальянском научном конгрессе во Флоренции в 1908 году. См.: Robert Michels, *Sulla Decadenza della Classe Media Industriale Antica e sul Sorgere di una Classe Media Industriale Moderna nei Paesi di Economia spiccatamente Capitalistica*. Giornali degli Economisti. Vol. XXXVII, 2a, 1909.

²⁵ Gaetano Mosca, *Elementi di Scienza Politica*, p. 75.

Часть I

Этиология лидерства

А. Технически-административные причины возникновения

Глава 1

Введение: необходимость организации

Невозможно помыслить демократию без организации. Для объяснения этого тезиса достаточно нескольких слов²⁶.

Класс, который выдвигает определенные требования к обществу и стремится воплотить в жизнь целый комплекс идеалов и порожденных им идеологий, возникающих из исполняемых этим классом экономических функций, нуждается в организации как на политическом, так и на экономическом уровне. Организация – единственное условие для возникновения общей воли. Организация, базирующаяся на принципе минимальных затрат усилий, – оружие, данное слабым в их борьбе против сильных, которое может быть использовано только в области солидаризирующихся интересов²⁷. Социал-демократы – самая фанатичная партия организационного мышления. Они приводят аргументы, совпадающие с результатами научных исследований жизни политических партий: теория анархо-индивидуализма подвергается критике потому, что главная цель предпринимателей состоит лишь в том, чтобы внести разлад в ряды пролетариата.

В эпоху, пронизанную духом кооперативизма настолько, что даже миллионеры убеждены в необходимости согласованных действий и совместной работы, организация стала жизненным принципом рабочего класса, без которого тактические успехи какого бы то ни было рода *a priori* исключены. В такое время отказ рабочих принимать участие в общественной жизни своего класса становится по-настоящему опасным. Пролетарий культурно, физически, экономически, физиологически – слабейший член нашего общества²⁸. Фактически тот, кто принадлежит к рабочему классу, оказывается брошенным на произвол судьбы перед деспотизмом сильнейших. Лишь когда пролетарии группируются и формируют четкую структуру внутри своей группы, они способны на политическое сопротивление и приобретают социальную значимость. Значимость рабочего класса заключается исключительно в его численности. Чтобы доказать свое численное превосходство, нужно провести подсчет, а для этого необходим порядок. Организационный принцип, таким образом, должен рассматриваться как неотъемлемое условие социальной борьбы масс.

Однако политически необходимый организационный принцип, который избегает Сциллы неорганизованности масс, играющей на рук противнику, обнаруживает в себе все опасности Харибды. На самом деле организация – источник, в котором берут начало потоки

²⁶ В том числе потому, что этой теме уже посвящено множество работ. Мы упомянем лишь следующие: Victor Griffuelhes, *L'Action Syndicaliste*. Paris: Riviere, 1908, p. 8; Henriette Roland Holst, *Generalstreik und Sozialdemokratie*, 2. Aufl. Dresden: Kaden u. Co., 1906, s. 114; Attilio Cabiati, *Le Basi teoriche della Organizzazione Operaia*. Milano: Uff. della Critica Sociale, 1908.

²⁷ Подробнее о взаимосвязи любой общественной совместной работы и закона экономии энергии см. мою работу: Robert Michels, *L'Uomo Economico e la Cooperazione*. Torino: Societa Tip. Editr. Nazionale, 1909.

²⁸ О неполноценности пролетариев в антропологическом и культурном смысле см.: Alfredo Niceforo, *Anthropologic der nicht-besitzenden Klassen. Studien und Untersuchungen*. Leipzig: Maas und van Suchtelen, 1910.

консерватизма, чтобы впоследствии стать причиной разрушительных наводнений в долине демократии.

Глава 2

Механическая и техническая неосуществимость прямого правления масс

Рейнский демократ Мориц Риттингхаузен предложил гениальную систему, пытаясь создать основу для прямого участия народа в законодательном процессе²⁹. Все население следовало разделить на сектора приблизительно по 1000 человек в каждом, как это было на выборах в Пруссии в 1848 и 1849 годах. Каждый сектор должен собраться в определенном месте – в школе, ратуше или любом другом общественном помещении и избрать председателя. Каждому гражданину обеспечена свобода слова. Таким образом, разум каждого индивида должен пойти на пользу отечеству. По окончании обсуждения каждый объявляет свое решение. Председатель передает результаты главе администрации, который, в свою очередь, передает их вышестоящим инстанциям. Решающей оказывается воля большинства.

Законопроекты не предлагаются вовсе. Этот порядок не предполагает никаких других перспектив, кроме как возможность узнать, что в определенный день об определенной проблеме могут сказать представители всех избирательных секторов. А если конкретное число граждан требует принятия нового закона в связи с какой бы то ни было проблемой или требует пересмотра уже существующего закона, соответствующее министерство обязано в течение определенного срока призвать граждан воспользоваться своей суверенностью и самостоятельно сформулировать необходимый закон³⁰. Закон становится естественным результатом дискуссии. Председатель открывает обсуждение главного вопроса. Затем переходят к обсуждению второстепенных проблем, после чего следует голосование. Принимается предложение, набравшее наибольшее количество голосов. После того как все данные о процессе голосования передаются в министерство, специальная комиссия составляет ясный и простой текст законопроекта, который не должен допускать множественных интерпретаций, как те законы, что принимают современные правительства: они как будто намеренно поощряют склонность юристов к двусмысленности, издевательски замечает Риттингхаузен.

Проект этой системы ясен и убедителен и на первый взгляд кажется, что он не может встретить никаких возражений при практическом применении. Однако практические результаты не соответствовали ожиданиям автора.

Прямое самоуправление посредством коллективных народных решений – образец демократии – действительно ограничивает распространение принципов делегирования, однако не защищает от возникновения олигархической власти. Оно лишает правителя его должностного статуса, так как места функционеров теперь занимает масса, но масса как раз благодаря своим особым свойствам не столько находится под воздействием власти народных ораторов, сколько облегчает лидеру возможность манипулировать слушателями вопреки их воле. Ее устройство не предполагает исчерпывающего обсуждения или серьезных высказываний³¹. Массой управ-

²⁹ Moritz Rittinghausen, "Über die Organisation der direkten Gesetzgebung durch das Volk," *Sozialdemokratische Schriften*, Nr. 4. Köln, 1870, s. 10. Очень важно отдать должное отважной попытке Риттингхаузена впервые использовать практические методы подобного рода для решения социальных вопросов. Виктор Консидеран, позже предпринявший новую попытку описать прямое народное управление, опирался на более серьезную базу и преуспел в пропагандистских аспектах. Он называл Риттингхаузена своим предшественником. См.: Victor Considerant, *La Solution ou Le Gouvernement Direct du Peuple*. Paris: Librairie Phalansteri-enne, 1850, p. 61.

³⁰ В американском «Федералисте» демократическими именуется только те государства, в которых для принятия любых решений проводятся народные собрания, в то время как репрезентативные примеры народовластия именуется республиками.

³¹ Иногда подобным образом один лидер застаёт врасплох остальных. Так, например, Артуро Лабриола, известный пред-

лять куда проще, чем небольшим кругом слушателей, так как одобрение с ее стороны куда более бурное, простое и беззаветное и она, поддавшись порывам, не допустит возражений со стороны меньшинства и уж тем более со стороны индивида. Большая масса людей, собравшаяся в одном месте, друг подле друга, весьма подвержена паническому страху, бессмысленному воодушевлению и т. д., куда больше, чем небольшая группа людей, способных на серьезный разговор³². Это эмпирический факт: огромные народные сборища, к которым относятся и некоторые партийные съезды, через возгласы одобрения или шумное голосование склонны принимать решения, которые были бы приняты с большой осторожностью, если бы эта толпа была разделена на небольшие группы по 50 человек. Толпа говорит и действует без малейших колебаний в отличие от составляющих ее людей, взятых по отдельности. Это неоспоримый факт, относящийся к патологии массы, который подробно описали французские и итальянские социологи³³. В толпе растворяется индивидуальность, а вместе с ней личность и чувство ответственности³⁴.

Однако решающий аргумент против суверенитета масс заключается в его механической и технической неосуществимости.

Независимые массы не способны принимать даже самые необходимые решения самостоятельно. Несостоятельность прямой демократии, как и состоятельность непрямой, следует из численности. В споре с Пруденом (1849) Луи Блан задал вопрос: могут ли 34 миллиона человек (на тот момент это все население Франции) решить свои проблемы без того, без кого не может обойтись даже самый мелкий коммерсант, – без посредника? И сам же ответил: тот, кто ответит утвердительно, – сумасшедший, тот, кто ответит отрицательно, – вовсе не враг государства³⁵. Тот же вопрос и тот же ответ актуальны для организации политических партий и сегодня. Особенно это касается крупных индустриальных центров, где рабочие партии подчас насчитывают сотни тысяч членов. Уже невозможно представить работу этого огромного организма без исполнительной системы. Социал-демократический Большой Берлин, включающий шесть избирательных округов Берлина, а также оба округа Нидербарним и Тельтов-Беесков-Шарлоттенбург, насчитывает около 90 тысяч зарегистрированных членов³⁶. Очевидно, что на практике невозможно организовать столь огромную массу людей для прямого принятия постановлений. Регулярное проведение совещательных собраний численностью даже в 1 тысячу человек наткнулось бы на множество препятствий, среди которых проблемы с помещениями, дистанциями и т. д.; подобное собрание численностью в 10 тысяч человек и вовсе физически неосуществимо. Как можно собрать такую толпу людей в одном месте в определенное время, даже если допустить существование отличной системы коммуникации? К тому же от естествоиспытателей нам известно, что сил оратора даже с самыми выдающимися голосовыми данными не хватит на аудиторию, превышающую 10 тысяч человек³⁷. Прямое самоуправление в больших

водитель итальянских синдикалистов, смог своей пламенной речью, направленной против резолюции сторонников миланских рабочих организаций, в одиночку утвердить продление всеобщей забастовки в Милане в 1904 году (*I Gruppi Socialisti! Milanese al Congresso Socialista Nazionale di Roma 7–9 ottobre 1906*. Milano, Gruppi Socialisti, via Ugo Foscolo 3, p. 11).

³² Roscher, *Politik*, s. 358.

³³ Ср.: Gabriel Tarde, *Les Crimes des Foules*. Lyon: Storck, 1892; Габриэль Тард, *Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы*. Москва: Инфра-М, 2010; Scipio Sighele, *IDelitti della Folia*. Torino: Frat. Bocca, 1902; Сципион Сигеле, *Преступная толпа*. Москва: Академический проект, 2011. Применение вышеизложенного тезиса к палате депутатов см.: Scipio Sighele, *Contro ilParlamentarismo. Saggio di Psicologia Collettiva*. Milano: Treves, 1905.

³⁴ «Кажется, что сам факт массового скопления людей пробуждает в людях стадные инстинкты, ведь, где бы мы ни наблюдали подобные собрания, народные или государственные, собираются там акционеры или представители коллегий и корпораций, повсюду мы видим, как большинство с удовольствием передает право руководства кому-то одному и следует не собственным убеждениям, а предлагаемым извне лозунгам» (Ludwig Gumplowicz, *Sozialphilosophie im Umriff*, s. 124).

³⁵ Louis Blanc, “L’etat dans une Democratic,” in Louis Blanc, *Questions d’aujourd’hui et de demain*. Vol. III. Paris: Dentu, 1880, p. 150.

³⁶ Eduard Bernstein, “Die Demokratie in der Sozialdemokratie,” *Sozialist. Monatshefte*, 1908, Heft 18/19, s. 1109.

³⁷ Roscher, *Politik*, s. 351.

группах недостижимо и по административным причинам другого рода. Когда Жак обижает Пьера, все французы не могут прибежать сломя голову, чтобы увидеть все своими глазами и защитить Пьера³⁸. Точно так же и в современных политических партиях общественность не может разрешить проблемы, возникшие в ее недрах.

Так возникает потребность в депутатах, выступающих от имени массы и призванных облегчить осуществление ее воли. Даже в тех группах, которые больше других вдохновлены духом демократии, все дела, подготовка и применение важнейших мер предоставлены кому-то одному.

Изначально руководитель был лишь слугой масс. В основе организации лежало равноправие всех участников этой системы. Это в первую очередь всеобщее равенство, равенство равных. В некоторых странах, например в идеалистической Италии (или в некоторых немногочисленных землях Германии, где политические движения еще находятся на начальном этапе развития), равенство выражается в том, что все члены организации обращаются друг к другу на «ты»; самый бедный поденщик говорит одаренному философу «ты», как равному. Но затем под равенством также стали понимать равенство однопартийцев. Все члены организации имеют на нее одинаковые права. Принципы демократического устройства партии гарантируют максимальному числу ее членов равную возможность участия и влияния на ход общего дела. Каждый может выбирать, каждый может быть избранным. Теоретически основной постулат *прав человека* реализован. Все назначения происходят путем выборов. Чиновникам отведена подчиненная роль органов принудительного исполнения воли масс, они находятся в постоянной зависимости от общественности и в любой момент могут быть отстранены или заменены. Рядовые члены партии обладают всей полнотой власти над своими руководителями.

Сначала преобладают попытки подчинить своих депутатов воле масс и держаться как можно ближе к чистейшей демократии. На заре движения итальянских сельскохозяйственных рабочих руководителю союза, чтобы быть избранным, необходимо было набрать четыре пятых от всех голосов. При дифференциации заработной платы на предприятии, перед тем как начать переговоры, представитель союза должен был озаботиться получением доверенности, на которой каждый из членов организации личной подписью подтверждал свое согласие с действиями депутата. В то же время список всех членов организации всегда находился в открытом доступе, по двум причинам: во-первых, чтобы среди масс не распространялось недоверие к руководству, «тот яд, что со временем подорвет самый сильный организм»; во-вторых, для того, чтобы члены организации могли научиться вести учет самостоятельно и в ходе совместной работы в профсоюзе получали знания, благодаря которым они позже смогут занять места руководителей организации³⁹. Очевидно, что подобные правила демократии применимы лишь в очень маленьких группах. На заре английского профсоюзного движения в некоторых союзах депутаты избирались из списка членов организации в порядке прямой очередности или путем жеребьевки⁴⁰. На более поздних этапах, когда количество задач увеличилось и требовалось все больше индивидуальных навыков, ораторских способностей и всевозможных профессиональных знаний, стало невозможно руководствоваться слепой случайностью алфавитного списка или порядком старшинства для составления делегации, представители которой должны были обладать индивидуальными способностями, бывшими не у всех.

Необходимо отметить, что сегодня подобные методы грозят превратиться в свою противоположность. Развитие современных политических групп все больше свидетельствует о жесткой схематизации до сих пор остававшегося естественным процесса превращения из управле-

³⁸ Louis Blanc, "L'etat dans une Democratic," p. 144.

³⁹ Egidio Bernaroli, *Manuale per la Costituzione e il Funzionamento delle Leghe dei Contadini*. Roma: Libr. Soc. Ital., 1902, p. 20, 26–27, 52.

⁴⁰ Sidney Webb und Beatrix Webb, *Theorie und Praxis der englischen Gewerkvereine*. Vol. 1. Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf., 1898, s. 6.

мого в управляющего. Все громче звучат запросы на официальную штамповку руководителей, крики о том, что необходимо принять меры по формированию группы профессиональных политиков, опытных и компетентных политических специалистов. Фердинанд Тённис ратует за введение партийных экзаменов для создания предвыборного списка кандидатов от социал-демократов, а также для выбора кандидатов на должность секретаря партии⁴¹. Генрих Херкнер идет еще дальше. Он задается вопросом, как члены больших профсоюзных организаций в долгосрочной перспективе способны найти общий язык с теми, кто ушел из профессии и продвигался по лестнице практической профсоюзной службы; при этом Херкнер упоминает и союзы работодателей, которые по большей части работают с кадрами, получившими высшее образование. Поэтому, по его мнению, в ближайшем будущем с обособленностью пролетариев будет покончено, а предпочтение будет отдано тем, кто получил образование в сферах народной экономики, юриспруденции, технологии или коммерции⁴².

Уже сейчас кандидата на должность рабочего секретаря профсоюза подвергают испытаниям для того, чтобы определить его способности к ведению корреспонденции, а также степень его юридических знаний. Политические рабочие союзы тоже весьма озабочены тем, чтобы самостоятельно контролировать образование своих сотрудников. Повсюду возникают «питомники», которые в скором времени могут обеспечить политические организации «научно подготовленными» работниками. В Берлине с 1906 года существует партийная школа, в которой организованы образовательные курсы для партийных и профсоюзных деятелей. Все частные расходы на содержание студентов этих полугодовых курсов, а также рабочие расходы самой школы берет на себя партия или профсоюз, направляющие студента на обучение. Кроме того, региональные или районные отделения партии выплачивают семьям слушателей этих курсов денежные компенсации в течение всего времени, пока их кормилец не может заниматься оплачиваемой работой. В третьем наборе школы, в период с 1 октября 1908 года по 3 апреля 1909 года, в общей сложности обучались 26 студентов (в первом – 31, во втором – 33). Предпочтение отдается кандидатам, которые уже состоят в партии или профсоюзе⁴³.

В Италии в 1905 году миланская социалистическая организация L'Umanitaria организовала Практическую школу социального законодательства, целью которой было обучение определенного количества рабочих, готовых занять вакантные места в государственной промышленной инспекции, профсоюзных организациях и картелях, рабочих страховых обществах или на биржах труда⁴⁴. Процесс обучения занимает два года и завершается выпускным экзаменом и присуждением удостоверения о квалификации. В 1908 году школу посещали 202 ученика, из них 37 работников профсоюзов и кооперативов, 4 руководителя трудовых бирж, 45 рабочих свободных профессий и 112 рабочих⁴⁵. В Турине в 1909 году по тому же образцу и для тех же целей местным профсоюзным картелем была организована похожая школа (Практическая школа культуры и социального законодательства). В Англии профсоюзы и кооперативы пользовались услугами колледжа Рескина в Оксфорде, отправляя особо одаренных аспирантов в университет для подготовки к работе по профессии⁴⁶. В Австрии партийные школы организованы по немецкому образцу. Однако нельзя упускать из виду, что все эти образовательные институты для партийных и профсоюзных работников призваны лишь искусственно увеличивать процент рабочей элиты и через создание касты кадетов из числа желающих управлять рядовыми членами профсоюзов, что в итоге лишь усиливает влияние руководящей власти внутри

⁴¹ Ferdinand Tonnies, *Politik und Moral*. Frankfurt: Neuer Frankfurter Verlag, 1901, s. 46.

⁴² Heinrich Herkner, *Die Arbeiterfrage*, 5. Aufl., Berlin: Guttentag, 1908, s. 116–117.

⁴³ *Protokoll des Parteitags zu Leipzig 1909*. Berlin: Vorwärts, 1909, s. 48.

⁴⁴ *Scuola Pratica di Legislazione Sociale. Pro gramma e Nor me*, Anno III. Milano: Societa Umanitaria, 1908.

⁴⁵ *Ibid.*, Anno IV. Milano: Societa Umanitaria, 1909, p. 5.

⁴⁶ См. подробное исследование: Lily Braun, "Londoner Tagebuch", *Neue Gesellschaft*, 1906, 2. Jahrg. H. 29.

партий. Необходимая техническая специализация, в которой нуждается любая многочисленная организация, порождает потребность в так называемом профессиональном управлении, в результате все обязанности масс переходят исключительно к руководителю⁴⁷. Партийные лидеры, которые были лишь исполнительным комитетом воли масс, становятся самостоятельными и, как следствие, отделяются от массы.

Организация всегда подразумевает тенденции к олигархизации. В сути любой организации (будь то партии, профсоюза и т. д.) таится склонность к аристократии. В процессе создания прочной структуры механизм организации приводит к серьезным переменам в организованных массах. Он превращает отношение руководителя к массе в его полную противоположность. Организация окончательно разделяет любую партию или профсоюз на ведущее меньшинство и ведомое большинство.

Отмечено, что на низших ступенях развития человеческой культуры преобладает тирания. Демократия же возникает позднее, по мере достижения более развитых этапов социальной жизни. Свободы, то есть привилегии и возможность принимать участие в происходящем, доступны лишь немногим. Одна из особенностей Нового времени состоит в расширении этих привилегий для все более широкого круга людей. Это называется эрой демократии. Но в сфере партийной жизни демократия, продолжая развиваться, движется в обратную сторону. С развитием организаций демократия постепенно деформируется. Ее развитие можно изобразить в виде параболы. Сейчас, по крайней мере в партийной жизни, она находится в стадии убывания. Мы можем вывести правило: власть руководителя партии растет в той же степени, в которой расширяется партийная организация. Различные степени власти, которой обладают руководители партий или профсоюзов в разных странах, наряду с этническими и индивидуальными причинами по большей части зависят от уровня их организационного развития.

Партийная организация, до тех пор пока она имеет прочную структуру (не важно, идет речь о демократическом государстве, политической партии или рабочем профсоюзе), – это весьма благотворная среда для возникновения дифференциаций. Чем шире и разветвленнее становится управленческий аппарат, то есть чем больше членов вступают в организацию, чем быстрее пополняется казна и чем влиятельнее становятся органы печати, тем быстрее вытесняется власть народа, а на смену ей приходит неограниченная власть комитетов⁴⁸. Повсюду распространяются непрямые выборы – тот тип выборов, против которого на уровне государственной жизни чаще всего ведется партийная борьба, несмотря на то что на тесный круг партийной жизни они оказывают куда более пагубное влияние, чем на широкие просторы государства. Даже на конгрессах, которые представляют собой десятикратно уменьшенную копию партии, обсуждение всех важных вопросов выносятся в кабинеты и кулуары.

С развитием организации не только растет количество задач руководства, но и сокращается прозрачность его работы, круг обязанностей становится шире и многообразнее. Наряду с количеством качество выполнения задач также усиливает дифференциацию. Формально в

⁴⁷ «В тесной связи с этими теоретическими тенденциями находится переворот в отношении руководителя к массе. На месте коллегиального управления местных комиссий с их неоспоримыми недостатками возникает официальное профсоюзное управление. Инициативность и компетентность становятся, так сказать, профессиональными особенностями, в то время как массе больше свойственна пассивная добродетель дисциплины. Эти теневые стороны чиновничества, безусловно, таят в себе серьезные опасности для партии, которые возникнут из последних нововведений, из назначений местных партийных секретарей в случае, если социал-демократическая масса не задумается о том, что упомянутые секретари могут остаться лишь представителями исполнительных органов и не станут восприниматься как компетентные инициаторы и руководители локальной жизни партии. Бюрократизм – в силу природного порядка вещей и особенностей политической борьбы – в социал-демократической партии ограничен значительно сильнее, чем в профсоюзах. Здесь техническая специализация приводит к успехам в борьбе за повышение заработной платы, например в заключении сложных тарифных договоров и т. п.» (Rosa Luxemburg, *Massenstreik, Partei und Gewerkschaften*. Hamburg: Erdmann Dubber, 1906, s. 61).

⁴⁸ «Здесь проявляется зарождающийся страх, к сожалению, свойственный народным правлениям, когда на месте истинной власти народа развивается неограниченная власть комитетов» (Wolfgang Heine, “Demokratische Randbemerkungen zum Fall Gohre,” *Sozialistische Monatshefte*, VIII. Jahrg., 1904, Bd. I, H. 4, s. 254).

соответствии с программой партии действия всех руководителей подчиняются неустанному надзору подчиненных. Но в реальности чем больше растет организация, тем иллюзорнее становится контроль. Рядовые члены партии все чаще вынуждены отказываться от участия в принятии решений, касающихся управления, или хотя бы контроля за их исполнением. Теперь они вынуждены поручать выполнение своих обязанностей нанятым для этих целей доверенным лицам, зарплатным функционерам, и довольствоваться обзорными докладами или рекомендациям ревизоров. Сфера демократического контроля становится все уже. Во всех социалистических партиях мы наблюдаем, как функции, которые прежде выполняли избираемые комиссии, теперь переходят к членам правления. Воздвигается сложная постройка с запутанной планировкой. Компетенции разделяются – применяется принцип разделения труда – и делятся снова. Возникает строго разграниченная бюрократическая система с множеством инстанций. Точное выполнение инстанциями своих обязанностей – пункт № 1 в катехизисе партийного порядка. Иерархия – следствие технических потребностей и важнейшее условие налаженной работы партийной машины⁴⁹.

В этом случае движение политической партии к олигархической бюрократии практически и технически необходимо, это неизбежное следствие организационного принципа. Даже радикальное крыло социал-демократической партии не может ничего поделать с этим вырождением. Таким образом, демократия – это всего лишь форма. Нельзя, однако, ставить форму выше содержания⁵⁰.

Институт управления существовал во все эпохи, на всех этапах развития и во всех видах человеческой деятельности. Никто не обходился без руководителя⁵¹. Сегодня можно услышать, особенно в ортодоксальном крыле социал-демократов, что у социал-демократии нет руководителя, в худшем случае лишь должностное лицо; конечно, это сокрытие истины не может изменить социальные законы, напротив, выдвигая это положение, они отвлекают внимание масс от реальной опасности, которая грозит демократии, и способствуют укреплению власти лидера.

По техническим и административным причинам крепкой организации необходимо сильное лидерство. До тех пор пока система расшатана, профессиональное лидерство не возникнет. У анархистов, испытывающих отвращение к любой устойчивой организации, нет штатных лидеров. На начальных этапах развития немецкой социал-демократии доверенное лицо (*Vertrauensmann*) занималось своей повседневной работой. Сегодня его все чаще заменяют профессиональные политики (*Berzirksleiter* – секретарь партии) и т. д. Чем жестче будет становиться структура организации с развитием современных партий, тем чаще случайных руководителей будут заменять профессионалы. Любому крупному партийному аппарату необходимо определенное количество людей, обслуживающих исключительно его. Массы делегируют управление небольшой группе, которая на доверительной основе представляет их интересы и занимается ведением дел.

Однако оформление профессионального лидерства знаменует собой начало конца демократии, поскольку система представительства логически невозможна как в случае парламентаризма, так и в случае партийных делегаций. Родоначальником этих критических взглядов на демократию можно считать Ж.-Ж. Руссо, который рассматривал народное правление (суверенитет) как осуществление общей воли и делал следующий вывод: «...суверенитет... не может никогда отчуждаться и... суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может

⁴⁹ Ахилл Лория указывал на многочисленные точки пересечения между административной и экономической иерархическими системами. Самое существенное сходство между ними – ступенчатое, пирамидальное устройство. Лория мог бы добавить к своей теории, что тем не менее вершины этих систем устроены по-разному: одна завершается пиком династии, другая – покатым краем олигархии. См.: Achille Loria, *La sintesi Economica*. Torino: Bocca, 1909, p. 348.

⁵⁰ Hans Block, "Überspannung der Demokratie," *Neue Zeit*, XXVI, Nr. 8, s. 264.

⁵¹ На примере более примитивных исторических эпох эта гипотеза развита в: Eben Mumford, *The Origins of Leadership*. Chicago: Chicago University Press, 1909, p. 1–12.

быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля... Как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет»⁵². Масса, которая делегирует свой суверенитет, то есть передает ее в руки нескольких человек, отрекается от своего суверенитета⁵³. Воля народа не может быть передана кому-либо, подобно воле индивида. В смутные годы террора последователи «женеvского гражданина» на практике перевернули его теорию с ног на голову, хотя теоретически она продолжала восприниматься ими как непреложная истина. Сам Робеспьер высказывался в ее поддержку, проводя тонкую грань между «представителем народа», не имеющим права на существование, так как «воля не может иметь представителя», и «поверенным народа, которому народ доверяет единоличную власть».

Опыт внимательного наблюдателя, изучавшего первые попытки применения представительной системы, помимо прочего помог уточнить и теорию пределов демократии. К середине прошлого века она была значительно дополнена, получила право считаться универсальной и, учитывая достижения эмпирической психологии, могла устанавливать определенные положения и нормы. Карло Пизакане, незаслуженно забытый теоретик итальянской национальной и общественной революции, в своих «Очерках о революции» (“*Saggio sulla Rivoluzione*”) описывал, как те, в чьих руках находится верховная политическая власть, по своей человеческой природе неизбежно подвержены страстям и потому физически и психически несовершенны. По этой причине вектор их политики и их политические решения естественным образом противоречат воле масс, которая представляет усредненное мнение индивидуальных взглядов, а потому должна оставаться свободной от любых влияний. Полагать, что правительство представляет общественное мнение и волю нации, – значит заменять *partem pro toto*⁵⁴. «Делегирование абсурдно». Виктор Консидеран, современник и единомышленник Пизакане, шел по стопам Руссо: «Если народ делегирует свой суверенитет, он отказывается от него. Народ больше не управляет собой; им управляют... Давайте, делегируйте ваш суверенитет! И я гарантирую вам судьбу, обратную судьбе Сатурна [пожирающего своих детей]: ваш суверенитет будет поглощен вашей дочерью, Делегацией»⁵⁵. Даже отец всеобщего французского избирательного права – выдающийся демократ Ледрю-Роллен пришел к убеждению, что необходимо устранить президентскую и парламентскую власть, а единственной допустимой формой проведения выборов должны стать народные собрания. Он объяснял это тем, что люди в течение года тратят так много драгоценного времени на праздники, выходные и безделье, что куда полезнее было бы потратить это время на «укрепление своей независимости, своего величия, своего достатка»⁵⁶. Виктор Консидеран яростно критиковал теорию, согласно которой представительная система гарантирует народную независимость. Даже если допустить, что хотя бы в теории парламентаризм действительно тождествен власти масс, то на практике он все равно превратится в бесконечное мошенничество со стороны правящего класса. Поскольку корни и монархии, и демократии – в представительной системе, главное различие между ними формальное, а не содержательное. Вместо одного царя суверенный народ выбирает множество мелких царьков. Он не способен свободно и самостоятельно воспользоваться своей властью и потому послушно позволяет лишиться себя своих основных гражданских прав. Единственное право, которое ему остается, – смехотворное право время от времени выбирать себе новых правителей⁵⁷. Такое

⁵² Jean-Jaques Rousseau, *Le Contrat Social*, p. 40; Жан-Жак Руссо, “Об общественном договоре”, в Жан-Жак Руссо, *Трактаты*. Москва: Наука, 1969, с. 168, 223.

⁵³ 25 Подобные взгляды высказывали в последнее время и именитые ревизионисты. См., например: Eugene Fourniere, *La Sociocratie. Essai de Politique Positive*. Paris: Giard et Briere, 1910, p. 98.

⁵⁴ Carlo Pisacane, *Saggio sulla Rivoluzione. Con prefazione di Napoleone Colajanni*. Bologna: Libr. Treves di Pietro Virano, 1894, p. 121–125.

⁵⁵ Victor Considerant, *La Solution ou le Gouvernement direct du Peuple*, P 13–15.

⁵⁶ A. A. Ledru-Rollin, *Plus de Preseident, plus de Representants!* 2 ed. Paris: La Voix du Proscrit, 1851, p. 7.

⁵⁷ *Ibid.*, p. п-12.

понимание представительной системы подкрепляется и политическими наблюдениями Прудона о том, что как только представители народа добиваются власти, они первым делом стремятся консолидировать и укрепить ее. Они предпринимают все новые и новые меры, чтобы сохранить свою власть, пока наконец не перестают полностью зависеть от народа. Это естественный путь развития любой власти: избранная народом, позже она возвышается над ним⁵⁸. Эти идеи были особенно популярны в 40-е годы XIX века. Особенно глубоко ими прониклись французские продемократические социологи и политики. В начале XX века эта теория стала неотъемлемой частью самых разнообразных направлений анархизма и часто распространяется в весьма красноречивой и остроумной форме⁵⁹. Даже Маркс и его последователи, которые в теории рассматривали парламентаризм как одно из множества своих орудий, но на практике пользовались только им, не могли не признать опасностей представительской системы, даже в том случае, если в ее основе было всеобщее избирательное право⁶⁰.

Эта проблема также была подробнейшим образом изучена итальянскими учеными консервативного толка. Моска писал о «фальши парламентской легенды». Он утверждал, что народное представительство, свободная и добровольная передача суверенности избирателей (большинства) некоторому числу избираемых (меньшинству), основывается на нелепом условии, согласно которому меньшинство накрепко связано с волей большинства⁶¹. На деле же, как только завершается процедура выборов, заканчивается и власть избирателей над депутатами. Делегат чувствует себя вправе управлять судьбами. Так и было. Если где-то в лоне масс еще и остались отдельные личности, оказывающие влияние на своих представителей, то это местные предводители, лидеры мнений в своем избирательном округе, а значит, и в местном отделении партии. Иными словами, эти люди, хотя и относились по своему социальному статусу к классу подчиненных, все равно составляют часть правящей олигархии⁶².

Важно, чтобы критика представительной системы была услышана и воспринята именно сегодня, когда политическая жизнь с каждым днем приобретает все более сложную форму. В условиях современной дифференцированной политической и экономической жизни все более абсурдным выглядит желание представлять разнородную массу и множество ее проблем. Представлять – значит выдавать волю одного за всеобщую⁶³. Это возможно в единичных случаях: при обсуждении четко сформулированных и простых вопросов и при условии непродолжительного срока действия депутатских полномочий. Продолжительное представительство всегда означает власть представителя над представляемым.

⁵⁸ Pierre-Joseph Proudhon, *Les Confessions d'un Revolutionnaire*. Paris: Verboeckhoven, 1868, p. 286.

⁵⁹ Например, в нескольких брошюрах: Errico Malatesta, *L'Anarchia*. Roma: Casa Ed. Pensiero, 1907; Эррико Малатеста, *Избранные сочинения: краткая система анархизма*. Москва: URSS, 2011; Errico Malatesta, *La Politico Parlamentare nel Movimento Socialista*. Torino: L'Allarme, 1903; Ferdinand Domela Nieuwenhuis, *Het Parlamentarisme in zijn Wezen en Toepassing*. Amsterdam: W. Slinging, 1906.

⁶⁰ Каутский, Роза Люксембург и др. Даже в работах Карла Маркса можно обнаружить теоретическое недоверие к институту представительства.

⁶¹ Gaetano Mosca, *Questioni Pratiche di Diritto Costituzionale*. Torino: Frat Bocca, 1898, p. 81, а также Gaetano Mosca, *Sulla Teoria dei Governi e sul Governo Parlamentare*. Roma: Loescher, 1884, p. 120.

⁶² «Избирательная система просто-напросто отдает власть в руки наиболее ловких избирателей» (H.G. Wells, *Anticipations of the Reaction of Mechanical and Scientific Progress upon Human Life and Thought*. London: Chapman and Hall, 1904, p. 58; Герберт Уэллс, *Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль*. Москва: Типолиитография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1902, с. 136). Безусловно, это правило применимо лишь к государствам с демократическим республиканским устройством.

⁶³ «Если я хочу воспользоваться своим правом на поездку из Парижа в Марсель, я не стану запрещать вам поехать из Парижа в Марсель; осуществление моего гражданского права не лишает вас этого права. Но если я отправлю в Палату депутата, который будет работать за ваш счет и принимать решения, против которых вы всегда выступали, такой способ управления подразумевает несправедливое управление вами. Гражданское право – это личная свобода; политическое право – это право управления не только другими, но и собой» (Alfred Fouillee, “Erreurs Sociologique et Morales de la Sociologie,” *Revue des Deux Mondes*. Vol. LIV, p. 330).

Глава 3

Современная демократическая партия как воинствующая партия войны

Людовик XIV великолепно понимал искусство управления, как никто другой до или после него, особенно в начале своего царствования, когда был молод. В своих мемуарах 1666 года он установил следующие важнейшие правила, предназначенные для всех руководящих ведомств и в особенности для военной администрации: «Решения должны быть быстрыми, дисциплина – строгой, командование – единым, подчинение – сиюминутным и беспрекословным»⁶⁴. Перечисленные королем-солнцем требования к оперативности принятия решений, согласованности отдаваемых приказов и строгости дисциплины применимы и к современной политической жизни, участники которой находятся в состоянии потенциальной войны, *mutatis mutandis*.

Современная партия в политическом смысле – это боевая организация. В качестве такой она должна подчиняться законам тактики. И первое правило этого закона – постоянная боеготовность (*Schlagfertigkeit*). Это осознал еще основатель социалистической революционной партии Фердинанд Лассаль, когда выступал за то, что существующая в его союзе индивидуальная диктатура должна быть полностью оправдана в теории и непреложна на практике. Рядовые члены партии должны беспрекословно следовать за своим лидером, а весь союз должен стать молотом в руках своего президента. Это была политически необходимая заповедь. В первые годы нового, беспомощного рабочего движения это был единственный способ добиться внимания со стороны буржуазных партий. Централизация гарантировала оперативность принятия решений. Гарантировала и продолжает гарантировать. Большая организация уже сама по себе довольно неповоротлива. Даже если растолковывать массам лишь приблизительную суть насущных вопросов, которые требуют принятия быстрых решений, будет потрачено слишком много времени, а демократия в своей изначальной форме станет невозможной. В этом случае она обернется лишь чередой упущенных возможностей и бесконечным переносом решений, а политические партии утратят способность к совместной работе и необходимую политическую гибкость. Воинствующая партия, пусть она и ведет только одну маленькую войну, нуждается во внутренней иерархии. Без нее партия станет подобной аморфному племени аборигенов, армия которого терпит поражение от всего одного дисциплинированного батальона вымученных европейских солдат.

Только определенная степень цезаризма гарантирует быструю передачу и своевременное выполнение приказов в ходе ежедневной борьбы. Голландский социалист ван Коль открыто заявляет, что введение принципов настоящей демократии возможно только после того, как борьба окончена. В ходе борьбы социалистическому правительству нужны авторитет и сила, достаточная, чтобы сохранить свою власть. Иногда необходим и деспотизм. Императиву стремительных действий подчиняется даже свобода. Повиновение масс воле немногих – одна из величайших добродетелей демократии. «Мы обещаем верой и правдой служить тем, кто призван вести нас, мы говорим им: вы, что удостоились чести быть избранными народом, покажите нам путь, а мы будем следовать за вами»⁶⁵. Подобные слова раскрывают всю суть современных политических партий. В партии, к тому же политической, к тому же ведущей борьбу, демократия не предназначена для «внутреннего пользования». Любой политической организации необходимо лишь легкое вооружение, которое не будет сковывать движений. Демократия совершенно несовместима с боеготовностью. Отсюда и враждебность к референдумам и

⁶⁴ *Memoires de Louis XIV pour [Instruction du Dauphin, annotees par Charles Dreyss. Paris, 1860. Vol. II, p. 123.*

⁶⁵ Rienz (van Koi), *Socialisme et liberte. Paris: Giard et Briere, 1898, P- 243-253-*

прочих мерах на страже реального народовластия и необходимость партийной конституции, пусть и не всегда цезаристской, но в меру олигархической и централистской. Лагардель добавляет к этой картине последний штрих: «Для использования пролетариата они обращаются к капиталистическим инструментам господства; они построили такое же жесткое правительство рабочих, как буржуазное правительство, такую же неуклюжую бюрократию рабочих, как и буржуазная бюрократия, центральную власть, которая говорит рабочим, что они могут и что не могут делать, которая уничтожает всю независимость и инициативу членов профсоюза и которая иногда должна внушать ее жертвам тоску по капиталистической власти»⁶⁶.

Тесная связь воинствующей демократической партии с военной организацией отражена в социал-демократической терминологии, которая, особенно в Германии, в значительной степени заимствована из военной науки. В языке военной тактики или стратегии едва ли существуют выражения, которые не мелькали бы в передовицах газет социал-демократов⁶⁷. Тот факт, что в ведении боя используется в основном тактика Фабия Кунктатора, а предпочтение отдается так называемой стратегии измора, объясняется особыми условиями, которые мы рассмотрим ниже. Еще одним доказательством тесной связи между устройством политической партии и военного ведомства служит страстный интерес некоторых верховных партийных руководителей социал-демократов к военным вопросам. Пристрастие лидеров социал-демократии к милитаризму действительно ошеломительно. Живущий в Англии коммерсант Энгельс, добровольно отслуживший год гвардейцем, в часы досуга развлекается тем, что занимается социалистической и военной теорией⁶⁸. Сыну унтер-офицера Бебелю надо отдать должное за огромное количество новаторских военных идей, у которых нет ничего общего с теоретическим антимилитаризмом социалистов⁶⁹. Бебеля и особенно Энгельса сейчас можно назвать военными писателями. Эта тенденция не случайна. Напротив, она коренится в избирательном средстве.

⁶⁶ Hubert Lergardelle, *Le Parti Socialiste et la Confederation du Travail*. Paris: Riviere, 1907, p. 24.

⁶⁷ Например, можно посмотреть на типичные выражения Каутского: «Как и любая стратегия, стратегия измора связана с определенными обстоятельствами, в которых ее использование целесообразно. Было бы безумием пытаться применить ее в любых условиях. Блестящие успехи, которых мы в свое время добились с помощью этой стратегии, – недостаточная причина, чтобы обращаться к ней постоянно. Изменившиеся обстоятельства вполне могут потребовать отказаться от нее. На войне, когда враг грозит сместить нас с нашего фундамента или вовсе завладеть им, стратегия измора невозможна и нецелесообразна. В этом случае ради его сохранности мы сами должны его уничтожить, прежде чем до него доберется противник. Также от стратегии измора необходимо отказаться, если она приводит к деморализации или унынию в рядах наших войск, когда она может обернуться трусостью и дезертирством. Подбодрить и объединить армию сможет только отважная битва. Провал атаки неизбежен, когда мы заблокированы в тупике и можем выбрать только одно: победа над врагом или позорная капитуляция. В конце концов, необходима стратегия подавления, когда враг сам попал в клещи, когда у нас появляется удачная возможность нанести ему сокрушительный, возможно, смертельный удар. Перенос этих размышлений из военной сферы в политическую вряд ли нуждается в дальнейших комментариях» (Karl Kautsky, “Was Nun,” *Neue Zeit*, XXVIII Jahrgang, Nr. 29, p. 68).

⁶⁸ Ср. сочинения Энгельса: Фридрих Энгельс, “По и Рейн”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 13, с. 233–281; Фридрих Энгельс, “Савойя, Ницца и Рейн”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 13, с. 593–636; Фридрих Энгельс, “Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 16, с. 35–78; Фридрих Энгельс, “Крестьянская война в Германии”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 13, с. 593–636; Фридрих Энгельс, “Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 7, с. 343–437; Фридрих Энгельс, “Может ли Европа разоружиться?”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 22, с. 383–415.

⁶⁹ August Bebel, *Nichtstehendes Heer, sondern Volkswehr*. Stuttgart: Dietz, 1898; Август Бебель, *Не постоянная армия, а милиция*. Петроград: Издательство Петроградского окружного управления всеобщего военного обучения, 1920, а также многочисленные выступления в рейхстаге о распределении военного бюджета, в которых Бебель поддерживает полную военную экипировку солдат.

Б. Психологические причины возникновения

Глава 1

Общее право делегировать

Делегирование ведет к возникновению у представителя ощущения морального права на делегированную ему власть. Избранные однажды остаются на своем посту навсегда, если только им не помешают строгое соблюдение уставов или чрезвычайные обстоятельства. Их избрание для достижения конкретной цели превращается в пожизненное назначение. Привычка становится правилом. Лидер, избираемый регулярно на протяжении определенного времени, воспринимает делегируемую ему на время власть как свою собственность. Если в какой-то момент ему будет в этом отказано, он тотчас начнет угрожать репрессивными мерами, среди которых самая безобидная – прошение об отставке. Его товарищи по партии, таким образом, оказываются в полнейшем замешательстве. Это замешательство, однако – ниже будет объяснено почему, – почти всегда заканчивается победой лидера партии.

Прощение об отставке, если оно не подписано добровольно и не является выражением разочарования или негодования (непринятие кандидатуры в бесперспективных округах), в большинстве случаев служит средством захвата, сохранения и укрепления власти. Даже в больших политических организациях лидеры часто обращаются к использованию этой хитрости, разоружая своих противников благоговейным почтением, которое не лишено привкуса благочестивой демократии. Противник вынужден проявлять в ответ еще большее почтение, особенно когда лидер, использующий этот метод, действительно незаменим или рассматривается массами как незаменимый. История прусско-немецкого государства богата примерами того, как эффективен этот макиавеллиевский прием для сохранения власти. В сложное время перехода от династии к династическому конституционализму, связанному с именем Лудольфа Кампгаузена, король Пруссии Фридрих Вильгельм IV, каждый раз чувствуя превосходство чуждых ему либеральных идей над романтически-консервативными, грозился отречением от престола. Эти угрозы ставили либералов перед сложным выбором: отречение короля означало бы воцарение принца Вильгельма Прусского, известного своими радикально реакционистскими настроениями, а значит, и угрозу революционных восстаний среди низших слоев населения; сохранение королевской власти означало бы вынужденный отказ от всех либеральных устремлений. Таким образом, Фридриху Вильгельму удавалось стоять на своем и разбивать все планы своих оппонентов⁷⁰. Приблизительно 35 лет спустя князь Бисмарк, настаивая на той же необходимости, обеспечил себе единоличную власть над объединенной Германской империей за счет того, что бесконечно обращался к королю Вильгельму I с прошениями об отставке. Как только пожилой король пытался высказать собственную волю, Бисмарк умирял его рассказами, в какой хаос погрузится империя в вопросах внешней и внутренней политики с отставкой ее основателя, а королю уже не по плечу справиться с ними в одиночку⁷¹. Нынешний президент Бразильской республики обязан своим положением тем же самым угрозам, которые он высказывал, еще будучи министром⁷².

⁷⁰ König Friedrich Wilhelm IV, *Briefwechsel mit Ludolf Camphausen*. Berlin: Gebriüder Paetel, 1906, p. 112.

⁷¹ *Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst*. Bd. II. Stuttgart-Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1907.

⁷² Маршал Эрмес да Фонсека в 1907 году был назначен военным министром. Реорганизация бразильской военной администрации – его работа. Предложенный им к рассмотрению законопроект о всеобщей воинской обязанности встретил жесткое сопротивление в обеих палатах парламента. В итоге предложение было принято благодаря энергичности Фонсеки и не в последнюю очередь благодаря угрозам увольнения. После этого его слава возросла настолько, что он не только остался в ведомстве, но и стал президентом республики на выборах 1910 года, набрав 102 тысячи голосов против 52 тысяч.

И так во всех политических партиях. Когда Фальтайх выносил свои предложения по реформированию партийного устава и вызвал этим гнев президента Лассалья, тот, осознавая собственную незаменимость, тут же поставил весь союз перед выбором: либо вы избавите меня от претензий подобного рода, либо я уйду⁷³, тем самым ему удалось с легкостью избавиться от неудобной критики. Те же методы использовал и современный голландский Лассаль – Трульстра, – в итоге подчинив себе всю партию. Ссылаясь на то, что лучше бы он посвятил себя личной жизни, он то и дело отказывался продолжать работу в партии, говоря, что устал от бесконечных партийных споров, которые противоречат его идеализму⁷⁴. В партийной истории итальянского социализма угрозы отставки также стали обычным делом: как только чьи-то личные взгляды на важные политические вопросы, например отношение к всеобщей забастовке, переставали совпадать со взглядами партийного большинства или если одного чиновника не устраивали результаты голосования партийного совета. Иногда угрозы заканчивались реальными увольнениями, в таких случаях на народном голосовании отставной кандидат избирался заново, при этом он позиционировал себя единственным компетентным представителем власти и, таким образом, снова оказывался восстановленным в правах⁷⁵. Этот только на первый взгляд демократически прекрасный жест на самом деле скрывает породивший его дух авторитаризма. Лидер, который выносит на голосование вопрос о доверии ему, как кажется, полностью рассчитывает на доверие своих избирателей, но на самом деле он оказывает на них давление и убеждает в собственной мнимой или действительной незаменимости, с которой их принуждают смириться⁷⁶. Руководители редко признают, что своими угрозами отказа от должности они преследуют конкретную цель – завоевать безраздельную власть над массами⁷⁷. Если верить их словам, такое поведение доказывает их верность духу демократии, тонкое чутье, порядочность, внимание к голосу масс. Хотя на деле это лишь олигархическое присвоение воли масс.

Глава 2

Потребность масс в лидере

Весьма талантливый (хоть и непризнанный) французский драматург, который в свободное время занимался прозаическим изложением серьезных социальных проблем, Александр Дюма-сын однажды заметил, что любую прогрессивную идею на раннем этапе ее формирования не принимают 99 % людей. «Но, – продолжает Дюма, – это не имеет никакого значения, поскольку одна сотая, к которой принадлежим мы, с самого начала провела все реформы для

⁷³ Julius Vahlteich, *Ferdinand Lassalle und die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung*. München: Birk, 1904, p. 74.

⁷⁴ Pieter Jelles Troelstra, *Inzaken Partijleiding*. Rotterdam: Wakker, 1906, p. 103.

⁷⁵ На партийном съезде итальянских социалистов в Болонье в 1904 году некоторые окружные делегаты высказались в поддержку ревизионистской резолюции вопреки воле избравших их членов партии. После этого им пришлось сложить с себя делегатские полномочия, однако, испугавшись новых трат и усилий, необходимых для организации новых выборов, а также из страха потерять своих избирателей их партийные товарищи вскоре решили предоставить им амнистию и восстановить в обязанностях. В мае 1906 года 24 члена социалистической палаты парламента сложили с себя полномочия из-за того, что отказались поддержать всеобщую забастовку. Все они без исключения были снова выдвинуты в своих избирательных округах и (за исключением трех человек) были избраны заново.

⁷⁶ Это знал и Швейцер, когда он объявил генеральному собранию Всеобщего германского рабочего союза, что сложит с себя все полномочия, если ему как депутату рейхстага запретят собрать конгресс для решения вопроса об организации профсоюзов. Его биограф точно подмечает: «Свое положение Швейцер оценивал как очень прочное. Иначе бы он не решился на подобный ультиматум: будь он отвергнут, это могло бы стоить ему должности, за которую он так держался. Однако он не ошибся в границах своей власти, и, когда его упрекнули в том, что он оказывает недопустимое влияние на делегатов, в этом уже таилось признание его незаменимости. В этот раз он добился чего хотел» (Gustav Mayer, *J. B. von Schweitzer und die Sozialdemokratie*. Jena: G. Fischer, 1909, p. 223).

⁷⁷ В тактических сражениях 1904 года флорентийский социалист профессор Гаэтано Пьераччини (реформист) согласился остаться на посту руководителя партии лишь в том случае, если все сторонники революционного движения будут из нее исключены.

девятиности девяти других, и они остались довольны, но тем не менее продолжают протестовать против реформ, что еще только предстоит провести». Далее Дюма добавляет: «Большинство – всегда свидетельство того, что есть», в то время как «меньшинство – это семена того, что будет»⁷⁸.

Не будет преувеличением сказать, что количество людей, обладающих гражданскими правами и стремящихся к всеобщему благу, очень невелико. Для большинства взаимосвязь между личным и всеобщим благом не слишком очевидна. Большинство не осознает, как на состояние их собственных дел, их благополучие и жизнь влияют дела организации под названием «государство». Как остроумно отмечает Токвиль, их куда больше волнует «строительство дороги рядом с его земельным наделом»⁷⁹, а до общего устройства государственного управления или вопросов, которые решаются от их имени, им нет дела. Большинство вместе со Штирнером кричат государству: «Отойди, загораживаешь солнце!» Штирнер иронически насмехается над всеми, кто вслед за Кантом верит, что людям нужно рассказать о «священном долге» участия в делах государства. «Пусть занимаются политикой те, в чьих интересах перемена существующих порядков. “Священная обязанность” никогда не понуждает людей размышлять о государстве, так же как по “священной обязанности” никто не начнет заниматься наукой или искусством и т. д. Один только эгоизм может их к тому понудить, и эгоизм окажет свое действие, если обстоятельства значительно ухудшатся»⁸⁰

⁷⁸ Alexandre Dumas fils, *Les Femmes qui tuent et les femmes qui votent*. Paris: Caiman Levy, 1880, p. 54, 214.

⁷⁹ Alexis de Tocqueville, *De la Democratie en Amerique*. Vol. i, Pt. II, p. 167; Алексис де Токвиль, *Демократия в Америке*. Москва: Республика, 1992, с. 376.

⁸⁰ Max Stirner (Kaspar Schmidt), *Der Einzige und sein Eigentum*. Leipzig: Reclam, 1892, s. 272; Макс Штирнер, *Единственный и его собственность*. Москва: РИПОЛ классик, 2019, с. 290–291.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.